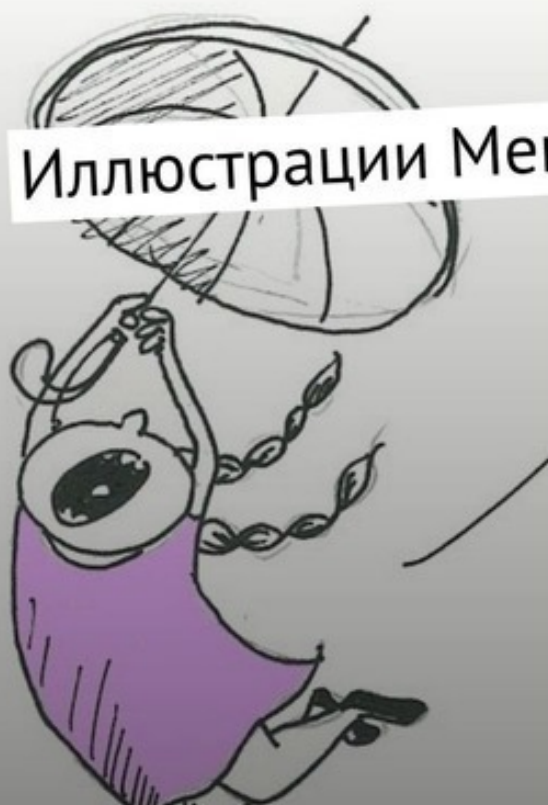

Александра Альбертовская

**РЯБИНА СЕМЕЙСТВА
ЦИТРУСОВЫХ, ИЛИ
23 ЭПИЗОДА**

Иллюстрации Меньшовой А. А.

Александра Альбертовская

**Рябина семейства
цитрусовых, или 23 эпизода.
Иллюстрации Менъшовой А. А.**

Альбертовская А.

Рябина семейства цитрусовых, или 23 эпизода. Иллюстрации
Меньшовой А. А. / А. Альбертовская — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-00-508926-7

Тем, кто рос и вырослел в догугловые времена, учил физику, сбрасывая
яйца с балкона, химию — бахая карбидом, тем, чей английский долгие годы
ограничивался фразой «Ландан — из зе кэпитал оф Грейт Бритиш...», а
литература состояла из «Белого Клыка», «Айвенго» и «Трех мушкетеров»,
посвящается...

ISBN 978-5-00-508926-7

© Альбертовская А.
© Издательские решения

Содержание

Эпизод 1. БАГУЛЬНИК	6
Эпизод 2. ПАПА ЛЕЧИТ	8
Эпизод 3. Я ЧИТАЮ!	10
Эпизод 4. РЯБИНА ИЗ СЕМЕЙСТВА ЦИТРУСОВЫХ	12
Эпизод 5. МИШКИ В НАШЕЙ СЕМЬЕ	14
Эпизод 6. ДИХЛОФОС	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Рябина семейства
цитрусовых, или 23 эпизода
Иллюстрации Меншиовой А. А.**

Александра Альбертовская

© Александра Альбертовская, 2019

ISBN 978-5-0050-8926-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпизод 1. БАГУЛЬНИК

Мы жили в таежном поселке Нелькан, в кольце хребта Джугджур, на берегу реки Майи. За рекой высились лесистые горы, за поселком – сопки, Первая, Вторая и Третья Известковые.

У нас в поселке никогда не было ветра, с ним я познакомилась только в Хабаровске, у бабушки.

Дым из труб зимой поднимался ровнехонько вверх, столбиками.

В декабре и январе было очень холодно, минус пятьдесят, пятьдесят пять термометр показывал довольно часто. А в феврале уже теплело, всего минус сорок. Уши уже не отмораживались, по дороге из школы можно было не застегиваться.

В марте наконец-то воздух прогрелся до минус тридцати.

С утра еще было холодно, воздух седой, на деревьях белая изморозь. И солнце... солнце с утра едва проглядывало сквозь седину морозного воздуха желто-зеленым кружочком. Но все равно, уже пахло весной.

В школу мы шли гуськом – впереди два брата, я замыкала. Деревянные тротуары никто не чистил, так можно пальцы отморозить на лопате, а пока тропку протопчешь, согреешься. Идем в тишине, воздух уже весенний, влажный, звуки гасятся.

В школе на втором этаже под потолком носятся воробьи, они залетели к нам в морозы и сейчас еще не торопятся наружу.

Идет третий урок, наша классная, Евгения Геннадьевна, диктует что-то, потом вдруг замолкает у окна и говорит совершенно другим, изменившимся, голосом: «ой... идите сюда...».

Не вполне понимаем, что случилось, подходим.

Окна нашего класса выходят на Майю, нашу реку. За ней видны сопки. И две из них сейчас покрыты розово-сиреневым облаком. Багульник зацвел...

Если подойти к зарослям багульника близко, цветов почти не видно, они маленькими редкими капельками висят на ярко-коричневых тонких веточках. Ветра нет, но нежные кустики подрагивают, трепещут. А издалека – словно море.

Из классных окон видно ярко-синее небо, искрящийся белый снег и розовое море цветущего багульника.

Учительница – практикантка, приехала на год, и такое видит впервые. От чудесного зрелища светлеет лицом, видимо, слегка шалее, хлопает в ладоши и срывает все наши уроки! Мы идем на экскурсию!!

Бросаем портфели в классе, в школьной одежде поднимаемся на Первую Известковую, там под деревьями рыхлый весенний снег лежит вязкими сугробами. Мы тонем в нем, а Евгения Геннадьевна ходит от куста багульника к кусту и с недоумением смотрит на него – где же чудесное облако?

Нам жарко! Расстегиваем куртки, уже болоньевые – мы же закаленные таежники! Истина «таежник не тот, кто не мерзнет, а тот, кто тепло одевается» придет к нам позже.

А пока мы форсим и хорохоримся, нам не холодно! Мы – разгоряченные пятиклассники во главе с молодой и дерзкой учительницей, в которую поголовно влюблены.

Поэтому, когда она кричит нам, что сейчас мы будем молиться богу солнца, мы радостно бухаемся на колени, в сугроб, тянем руки вверх и вопим вслед за ней: «о, бог солнца! Мы благодарим тебя за эту весну! Мы рады тебе в этот день! И приносим тебе жертву!»

Классная поворачивается, ищет глазами, упирается взглядом в меня – ее! Орда одноклассников с хохотом валит меня в сугроб, засыпает весенним колючим снегом вперемешку с иголками лиственниц, я ору!

«А теперь его!» – приходит очередь следующего любимца Евгении Геннадьевны!

В снегу искупались все, мы засыпали им даже учительницу.
Возвращаемся домой в синих сумерках.
Вы знаете, что у нас на Дальнем Востоке сумерки синие?
Учебники бросаем в школе до утра, сегодня нам ничего не задано.
Багульник будет цвести еще несколько дней, но чуда в этом уже не будет.

Эпизод 2. ПАПА ЛЕЧИТ

Иногда папа возил нас к родственникам в стойбище. Родственники пасли оленей, их дети носились вокруг, ели сырое мясо после сырой рыбы, и было им от этого хорошо. Моя мама была в стойбище один раз, уехала оттуда травмированная увиденным и нас долго пускать не хотела. А папе было важно корни поддерживать, да и вольный дух пьяного соперничества хотелось испытывать хотя бы изредка.

В общем, папа клялся и божился давать нам антибиотики, мыть руки и прожаривать мясо самому, и мама, скрипя мозгом, отпускала.

По приезду папа ставил палатку поодаль, подбивал ворону и прикапывал ее в землю, отлежаться. Потом он шел «гудеть» к двоюродным братьям, а мы оставались на карантине. Выходить из палатки можно было только по крайней необходимости, еще и местная шпана глазела на нас, как на зверьков.

Вечером отец приходил с братьями уже к нам, они выпивали, жарили несчастную птицу, а потом кормили ею нас. Да. Да, я ела ворону. Ту самую, которую мой папа стрелял, потом закапывал в землю, потом обдирал и небрежно готовил на костре. Чтобы приглушить яростный аромат и вкус падальщицы, папа с сотоварищи натирал и набивал ее черемшой, диким чесноком и еще какой-то травушкой. В общем, сплошная польза – дичь с дикоросами.

Пару дней после ужина мы с братьями чувствовали явное недомогания в области желудочно-кишечного тракта, не расставались с истово измятыми клочками газеты «Звезда Севера», а потом уже присоединялись к дальним эвенкийским родственникам. Естественно, ни о каких антибиотиках мы ни разу не вспоминали. Ели с общего котла, тырили с шестов недовяленное мясо, делились недовяленной рыбой с местными лайками, облизывали пальцы после сбора ягоды во мху, и ничего нам с этого не было. Не факт, что врачи-инфекционисты примут такой способ прививки за действенный, но мы ничем не болели в это время, даже я.

А зимой мы болели, особенно я. Зимы у нас морозные, а дом был деревянный – к утру его выстужало настолько, что носа из-под одеяла не высунешь!

Отец первым выбегал на кухню, клацал зубами и поджигал с вечера заготовленную растопку. Аккуратно выкладывал мелко наколотую из лиственничных поленьев лучину и особым образом наструганную щепу. Нужно было ножом тонко состругивать стружку, но не до конца снимать ее, а только до середины гладкого полена, потом еще стружку, еще, а уж после срезать ее полностью. Получались такие кудрявые лучинки, они моментально загорались, даже если были не совсем просушенные.

Так вот. Отец разжигал печь, ставил чайник и воду из чайника доливал в умывальник. Тогда умываться можно было теплой водой. Папа не был сторонником таких нежностей, но была ведь еще и мама. А она как раз была сторонницей.

Когда воздух прогревался хоть немного, папа будил нас. Первыми – старших братьев. Они пулей вылетали из-под одеяла и неслись на кухню, к печи. Там вскакивали на край, хватались за трубу парового отопления и тоже клацали зубами. Как папа.

В общем, мы простужались. Часто.

И тогда отец шел лыжами в тайгу. Можжевельник у нас растет, но редко, нужно знать, где его найти. Папа знал. Там он бил клеста. Клест – птица с неровным клювом, питается ягодами можжевельника. Ягоды твердые, но маслянистые. Для того, чтобы они перетирались в зобе, клест глотает мелкие камушки. Камушки трут жесткие зерна можжевельника и выделяется можжевельное масло. Зачем можжевельное масло птице, я не знаю.

Папа стрелял клеста и доставал из него зоб.

Этим зобом он нас лечил. Давал понемногу есть содержимого – перетертых можжевельных ягод и мелких камушков, куда же без них?

От концентрированного можжевельного масла нос начинал свистеть, как от черных леденцов «Холлс»!

Выздоровливали ли мы от того, что ели зоб птицы с кривым клювом или для того, чтобы не есть больше эту дрянь, но мы выздоравливали!

Вот такой он у меня – папа-Айболит.

...Я помню эту страницу в учебнике «Родная речь» за второй класс... Андрейка учился во втором.

На развороте двух страниц, по краям напечатаны флаги пятнадцати советских республик, и какой-то текст... Я помню, как выглядела эта страница, и не помню ни слова из впервые прочитанного мной.

Много лет спустя я увидела эту страницу растрепанном учебнике, его нашли где-то на чердаке и потом пустили в топку. Но сперва я открыла тот самый разворот. Там даже сохранились выцветшие вмятинки от химического карандаша – я так лучше думала.

Родители вернулись, надо полагать, не поздно. Потому что нас не отправили спать, а мы все вместе собрались в зале.

Я читала крупные заголовки в газете «Звезда Севера». Мама указала отцу на это, но тот отмахнулся – запомнила, наверное, память-то хорошая!

И тут я перевернула страницу. Не настолько же хороша моя память, всполошились родители.

И мама вынесла мне из спальни маленькую книжицу.

Лимонно-желтая бумажная обложка, посередине обложки – заголовок в фигурной рамке, а из-за рамки выглядывают игрушечный жираф, обезьяна и, кажется, попугай.

«Дидактические материалы для детей старшей...»

– А что такое «Дидактические»? – спросила я у мамы.

Так родители узнали, что я вот уже часа полтора как умею читать.

Уже взрослой я увидела эту книжку у мамы. Книжка была устаревшей, а мама ее хранила... а я долгие годы думала, что тот вечер мне приснился...

А утром мама подарила мне мою первую книжку. Это были стихи. Кажется, про хомяка какого-то... или суслика...

Покажите мне сейчас эту книжку, я ее узнаю. А стихов не помню...

Эпизод 4. РЯБИНА ИЗ СЕМЕЙСТВА ЦИТРУСОВЫХ

Я была страшно болезненной в детстве. Настолько, что не смогла переболеть ветрянкой вместе со всеми деревенскими только потому, что заболела корью, которая в это время гуляла в соседнем поселке.

У меня не усваивался витамин С отчего-то. Дома было полно брусники, чеснока и всяких других кладезей природы, но как-то не брали они меня.

В общем, в возрасте трех лет меня вывезли в Хабаровск с гиповитаминозом С почти в степени «цинга». Моя тетушка на тот момент трудилась в отделе снабжения Института Материнства и Детства, куда меня с мамой и пристроили. Там как-то полечили, уколы поделали, отправили домой и повелели есть цитрусовые в любом количестве, в котором мама сможет их достать. Мама спросила, а не вылезет ли диатез? Конечно, она имела в виду, а не треснет ли ряшка у детки, но сделикатничала.

Доктор опасений не принял, сказал только, что мне до диатеза, как до Москвы... в общем, спиной.

Восьмидесятый год, цитрусы на елках не растут. Но! Тетушка щекой дернула и пообещала, что обеспечит. И обеспечила. Говорила потом – руки чуть не отсохли, таскать мне сумками мандаринки.

Я с утра подходила к холодильнику, стучала по нему и требовала «минку». Наверное, я была самым счастливым ребенком на Дальнем Востоке в то время – лопала весь день мандарины и слушала на пластинке «Чебурашку».

...Когда выросла, спросила у мамы – какого, собственно, хобота у нас дома три в хлам заезженных винила про чудо-зверя. Мама и рассказала про большеухий террор, который я устраивала...

Итак, ела я мандаринки, ела, пока доктор не сказал, что состоянием моим он удовлетворен, можем мы с мамой снова на свои севера валить.

Это было весной. А осенью, ближе к зиме, я снова чем-то жутко заболела. Все по фен шуй – температура сорок, горло сизое, голоса нет. И вот этим своим «голоса нет» я страшно выла «минку!». А «минки» -то и нет, как и голоса. А я хриплю так, что папа на лесоповал свалил, а у мамы глаз задергался. Ну, с нами, с тремя, у нее глаз раньше начал дергаться, но тут уж совсем.

И мой старший брат, Андрей, встал на лыжи и пошел в сопку, принес две баночки из-под диафильмов полных рябины. Она оранжевая, морозцем ударенная, уже не горькая, а сладко-горькая.

Принес ее мне, а я в отказ – «минку» хочу!

И вот, хулиганистый парнишка восьми лет, тот самый, что в любых иных условиях был обычным нетерпимым старшим братом, сел рядом со мной на кровать...

Я помню этот момент, он в сером клетчатом пальто, стриженный, ушастый, мама гладит белье в зале, пахнет морозным глаженным бельем. Совершенно особый запах. Мама сердится, а Андрейка сидит и серьезно так втолковывает мне, что рябина – это те же мандарины, только северные. И поэтому такие маленькие.

«Видишь?» – говорил он мне, – «ягодки оранжевые и шершавые. Как и те мандаринки, что ты у бабушки кушала. Ты помнишь, шкурка у мандаринов горькая?».

Я замороженно киваю головой – я помню, она и правда горькая.

А Андрей мне рябинину в рот – раз, «кусай» – говорит.

Я ем – такая же, сладковато-горькая.

И Андрей продолжает.

«Это от того,» – говорит восьмилетний Макиавелли, – «что с ягодок шкурку не снять, они малы очень. Ты ешь эти мандаринки и опять выздоровеешь, как тогда».

И я ела. Он каждый день приносил мне по две баночки из-под диафильмов, каждый день, пока я не выздоровела...

...И вот, шестой класс. Или пятый. В общем, ботаника. Открытый урок, на задних партах гости из РОНО.

Учительница светло и ясно спрашивает нас, какие растения семейства цитрусовых мы знаем.

Все тянут руки, называют апельсины, мандарины, лимоны, верх креатива и суперзнания – грейпфруты. Про лаймы и прочие забугорные излишества мы не знали, а преподаватель знала, и провокационно вопрошала – «еще?».

Все растерянно сопят.

А я в этом классе новенькая! Новенькая, толстая и очкарик... Такой вот подарок судьбы.

Ну, и тряхнула эрудицией. Подняла руку, встала и уверенно говорю за рябину, северное растение семейства цитрусовых.

У учительницы глаза как коленки, она ласково и тихо спрашивает, с чего же я взяла? И я совершенно серьезно и увесисто рассказываю всем эту божью историю про холодный климат, в котором мандарины могут вырасти только в мелкую ягоду рябину. А так, сходство же феноменальное – оранжевая, шершавая и сладковато-горькая. Как мандаринки со шкуркой. В общем, повторяю все то, что в три с половиной года я слышала от восьмилетнего брата.

Позади было слышно, как сдавленно хохочут в парты гости из РОНО, глядя на них заржали одноклассники, а я в недоумении – мне же брат говорил! Андрей же говорил!

Учительница мне пытается деликатно пояснить, что брат мой несколько несведущ был в ботанике, когда это мне рассказывал, а я уперлась.

В общем, тогда впервые я узнала, что Андрей бывает неправ.

Эпизод 5. МИШКИ В НАШЕЙ СЕМЬЕ

Я не знаю, кого в жизни моего отца звали Мишей. Но это имя было крайне популярно в нашей семье.

Первым Мишкой стал горноста́й. Отец тогда служил кадровым охотником. Но великих денег он на этом заработать не мог. Иные папины друзья привозили до неприличия хорошие деньги, а отец сдавал добычи мало, хоть и жил в тайге месяцами. Объяснялось это просто – папа не мог ставить капканы на зверя. Это казалось ему жестоким и нечестным. Охотился он дедовским способом, с ружьишкой. Мог полдня гонять соболя или колонка и так и уйти ни с чем.

Мужики над отцом смеялись, он слыл слишком мягким среди своих дружков. Не было в нем охотничьего азарта, лютости не хватало. А стрелком был отменным.

И вот... убедили папу на сезон взять несколько капканов, подзаработать...

Приятель научил отца готовить железяки к охоте, показал, как правильно их ставить, увез его на заимку и даже первый раз сам ловушки настрожил. И уехал. А через месяц папа вернулся домой с Мишкой за пазухой.

Он говорил, что весь вечер, как приятель уехал, он маялся. Не дело это – так зверя брать. Нечестно это. Да и мучительно, как ни крути.

В общем, не выдержал и пошел капканы снимать, от греха.

Все пустые были, а в один уже горноста́й попал. Папа говорил, сидит, смотрит на отца, а у самого лапка зажата. И отцу стало стыдно.

Он накинул на зверька охотничью рукавицу и прямо с капканом унес в домик. Там варезку снизу подвизал, чтобы на воле оказались только лапки, капкан снял, а одна лапа сломана. Как такого выпустишь? Погибнет же зимой.

И папа напоил зверя водкой – как, я не знаю – и, пока тот отсыпался, смастерил клетку из проволочного снегоступа и примотал к лапке две дощечки, шину наложил.

Месяц они там с Мишкой жили, охотиться отец уже не мог.

Дома нам строго-настрого было запрещено к зверю лезть. А он красивый был, сказка просто! Сам белый, кончик хвоста черный.

С жильем Мишка Первый определился сам – он по оштукатуренной печной стенке забрался на чердак и жил там за трубой. Мышей ловил, даже тараканов – этого добра было так много, что мы еще с десятков Мишек бы ими выкормить смогли бы.

Вечером, когда печка прогорала и мама закрывала заслонку, она ставила на припечек блюдо с молоком. А рядом всегда сушились куски хлеба на сухари.

Мы лежали в детской и ждали...

Вот стало совсем тихо, в печном нутре переставали осыпаться дотлевшие до пепла поленья... отец, побряцывая, еще раз выскочил в тапках на кухню и с глухим ляганьем до конца закрыл поддувало и заслонку....

Тишина... а потом легкий шелест по стенке – Мишка спускается... бряцает блюдо, частый-частый плеск молока, потом сухо перекатываются сухари, пока горноста́й выбирает себе подходящий... мягкий прыжок, шелест вверх...

Теперь можно спать...

Жил Мишка Первый у нас до тепла. Папа следил, чтобы мы к нему не лезли, чтобы не приручали.

А когда лед на Майе стал ноздреватым, белая-белая тень с черным кончиком хвоста бежала прямо посреди дня в сторону от поселка... я не помню, но мне хочется верить, что Мишка остановился и оглянулся на наш дом...

Из охотников папа в ту зиму уволился, пошел в егери. И, как только вскрылась Майя, он привез на лодке домой лосенка. Это был Мишка Второй.

Лосиха провалилась под лед, ее не спасли, так бывает.

А этот топтался на берегу и жалобно трубил. Папа убить малыша не дал, увез к нам.

У нас тогда уже была корова Суббота. Он давала молока много и очень жирного. И Мишка стал кормиться этим молоком. Он широко расставлял негнущиеся длинные ноги, наклонял свою носатую голову и с трудом добирался до вымени Субботы. Та терпеливо кормила огромного теленка и даже вылизывала ему жесткую шерсть между ушей.

Вся деревня сбегалась смотреть, как у Альбертовских лось от коровы кормится! Пацаны давали Мишке конфеты, тот их ел и просил еще, а папа ругался – к осени лося выпускать, а он за сладкое забор ломал. Как такой выживет? К первой лодке же бросится, карамельку просить...

Я была маленькая, помню только, как над забором возвышался огромный горбоносый силуэт. Ближе меня к нему не подпускали, а Ромка, привычно катавшийся на свиньях, попытался сесть верхом и на лося.

Как среагировал Мишка, я не знаю, но переполох был страшный, Ромку испуганно тарасил глаза, а папа его выпорол. И увез лосенка на егерскую заимку, до зимы дорасщивать.

Все егеря каждый год уезжали по своим участкам, там они косили и сушили сено впрок, рубили тальник и рассыпали соль на солончаках.

Соль нужна была всегда, а сено и рубленные ветки готовили на случай снежной зимы, тогда егеря подкармливали копытных. Ну, и зайцы харчиться приходили, никто косых не гнал.

Отец рассказывал, что на заимке Мишку он не привязывал и в сарай не заводил. Сохатый был волен приходиться и уходить... Ближе к осени лось стал возвращаться все реже и реже, а однажды вышел к домику, а отец достал ружье и стрельнул в его сторону холостым зарядом. Мишка развернулся и больше не приходил. Папа только его следы видел.

А потом был ворон. Настоящий, иссиня-черный, с мощным прямым клювом и янтарными глазами.

Негодяи подбили птицу, а братья его подобрали и принесли домой.

Гугла тогда дома не было, поэтому бедолаге пришлось и хлеба с молоком есть, и мяса кусками и даже рисовой каши.

Так бы и помер Мишка, замученный нашей заботой, но кто-то посоветовал из каши и фарша раскатывать тонкие колбаски и всовывать птице в клюв.

Это я уже большая была, я уже участие непосредственное принимала... так что, могу сказать наверняка – кормить ворона больно.

Эта дикая птица нагло садится на ногу, впивается жесткими когтями в нежную кожу и настырно разрезает клюв. А если я долго раскатываю колбаску, по мнению Мишки Третьего долго, он переступает с лапы на лапу, раскачивается на ноге и даже как будто подпрыгивает. А когти из ноги не вытаскивает.

А клювом и долбануть может...

А еще ворон гадит. Летать он не может, поэтому гадит в ограниченном пространстве, густо, ароматно и много.

И я с тех пор хорошо умею отмывать сильно испачканный пол. Но не люблю.

Этот Мишка прожил у нас меньше всех – потому что все мы искренне желали ему выздоровления. Потому что мы накатались колбасок до конца дней своих, а я пол намыла – как уборщица Большой Театра или аэропорта Пулково. Но ни один артист или пассажир не пачкал пол так, как ворон Мишка.

И я очень ждала, когда он улетит. А Мишка не спешил. Он уже брюхо наел, привык, что мы ему после еды клюв чистим, научился, гад, ехидно пускать вонючую струйку на свежесы-

мытый пол... ну, умение именно струйку – у Миши было врожденным, а вот ехидным оно стало у нас дома. По моим внутренним ощущениям.

И братья стали Мишу учить летать. Тот симулировал падение с дровяника, с конька крыши, с верхушки черемухи... гад...

А вот с пожарной вышки все таки полетел.

Запускали его днем, пока папа не видит. Он бы... папе не нравилось, когда зверьки покидали наш дом до полного выздоровления. Ну, и пол он не мыл за Мишей.

В общем, Андрей Мишу запустил, тот сперва начал симулировать, а потом крылья расставил и на бреющем полете выровнялся и сел на крыльцо пожарной части. Сам почистил свой клюв, подпрыгнул и улетел.

Кстати, он не каркал. Ни звука от него не помню.

Эпизод 6. ДИХЛОФОС

У меня в детстве был друг, почти жених. Женька Крюков. Я злилась на него за то, что он называл мою маму просто Дорофеевна, по отчеству. Маму так называли в детском саду коллеги и Женька. Наверное, я ревновала маму к Женьке. Но это совсем не помешало нам с ним сочетаться почти законным браком.

Все называли нас жених с невестой. Это единственный тип отношений, которые взрослые видят в детской дружбе мальчика и девочки.

В общем, мы с Женькой сделали колечки из цветов одуванчика и поженились. Прибежали на летнюю кухню, рассказали нашим мамам, моей и тете Вере Крюковой. Получили благословение и ушли под кухню, строить свой домашний очаг.

Кухня была новая, пол еще пах лесом, а под полом были горы смолистых стружек.

Мы с Женькой не вполне понимали, на кой нам вообще надо было жениться, игрались же мы до этого без брачных уз, но смысл слова «очаг» вполне уже понимали. Очаг топят. Логично же?

Значит, нужно развести огонь.

Мама рассказывала, что когда они с тетей Верой увидели дымок из-под пола, перепугались и моя мама ливанула на место задымления ведро воды. Из-под пола донесся мой возмущенный вопль, что логично – родная мать затопила мой семейный очаг!

Нас с «мужем» извлекли наружу, накостыляли за неслучившийся пожар, а тетя Вера еще и сторяча пригрозила, что завтра обе семьи поедут на косу, это такая галечная отмель посреди реки, а нас с «мужем» дома оставят.

Мама потом рассказывала, что она подружке пальцем у виска покрутила – оставить дома двух малолетних поджигателей! Но... в семье у нас было родительское правило – кто наказал, тот и отменяет наказание. Если даже ляпнул не подумав, второй взрослый все равно оказывал поддержку даже в явной родительской глупости. Типо, мы с тобой одной крови, Маугли, против этих трех злобных бандерлогов.

Итак... Две семьи собирались двумя лодками на косу. Мы с Женькой делали умеренно огорченные лица и ходили хвостами за мамами. Женька еще и канючил, мне у мамы канючить не позволяло спартанское братово воспитание.

На самом деле, не сказать, что мы с Женькой были так уж огорчены тем, что нас оставляют дома. Представьте, что вы младший ребенок. Вас не оставляют без присмотра ни в один из случаев, когда вам это реально необходимо. Когда вы желаете компании – шиш. Вас изгоняют. Но стоит вам захотеть уединения... к вам заглянут все – от дворовой собаки до маминой подруги.

А в тот день мы очень хотели уединения. Потому что у нас был припасен дихлофос. На обратной стороне бутылки есть значок огня и надпись для идиотов – огнеопасно!

Мы идиотами не были, знаки и без второго слова понимали. Огнеопасно, значит, взрывается. Взрывается, значит, взрываем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.